

ПИФАГОР

С раннего детства я страдал расстройством личности. Помимо нормального собственного «я» у меня было еще два внутренних голоса. Первый внутренний голос был воплощением лени, и его любимыми словами были: «потом, успеем, не спеши, отдохни». Он сразу находил тысячи аргументов, доказывающих, что не надо сейчас браться за уроки или работу по дому, так как это прекрасно можно сделать... немного погодя. Второй внутренний голос был самолюбив и заносчив как Наполеон. Именно он подталкивал меня на всякие хохмы и хулиганства. А если я сразу не соглашался, он терпеливо уговаривал меня, обещая, что все выйдет отлично и мне ничего за это не будет. Кроме того, второй внутренний голос считал, что в этом мире я могу сделать любое дело и гораздо лучше других людей. Оба голоса часто враждовали между собой, так как первый был ленив, а второй деятелен без меры. Верх чаще брал второй, так как с первым долго не спорил, а сходу толкал меня на какой-нибудь дурацкий поступок.

Как раз на перемене второй внутренний голос уламывал меня прогулять литературу и посетить стройку напротив школы.

Тут ко мне подошел Сундук.

– Дай написать домашнее задание по математике, – попросил он, – три часа вчера просидел, ни черта не соображаю. Если сегодня опять двойку получу, то из секции выгонят наверняка.

Сундук занимался классической борьбой и мог положить на лопатки даже парней из старших классов. В секции борьбы, так же как и у нас в боксе, тренеры проверяли дневники и угрожали, что за плохие оценки не допустят к соревнованиям или не разрешат посещать тренировки. Потом мы поняли, что это говорилось так, для острастки, но когда ты новичок, то поначалу, конечно, страшно.

У меня с Сундуком были хорошие отношения, но несколько драк все же случилось. Произошли они, в основном, по инициативе Сундука, который неожиданно приходил в бешенство из-за какого-то пустяка и налетал без предупреждения со свирепостью носорога. Главное для него было ухватиться за противника руками. Разбитый нос или подбитый глаз только усиливал ярость Сундука, и остановить его можно было лишь хорошим встречным ударом в челюсть или в дых. Последние драки, в которых Сундук получил от меня несколько таких ударов, называвшихся в боксе «джолтами», а у хулиганов «торцами», очень быстро приучили его к сдержанности, и наши стычки прекратились.

Я признался Сундуку, что мой единственный любимый предмет в школе это звонок. Ни какие силы не могли заставить меня решать убогие задачи о пошиве одинаковых мужских костюмов разной стоимости или о бассейнах с двумя трубами.

Лень моя была велика и непреборима. Как только не пытался я заставить себя учиться: затыкал пальцами уши, чтобы не слышать криков ребят, играющих на улице в футбол; глубокомысленно тер пальцами виски; гундосил, повторяя условие задачи несколько раз подряд, но мой мозг находился просто в какой-то отключке. В голову лезли всякие глупости типа: «И почему нет специальных школ, где обучали бы детей имеющих способности к хохмам. Может у меня как раз по этой части талант. Вот было бы весело учиться в такой школе, где на дом задавали бы придумать какую-нибудь веселую хохму. Если только не в письменном виде, то я делал бы несколько вариантов и наверняка ходил в круглых отличниках».

Но в реальной жизни чудотворное действие оказывал лишь подзатыльник, которым награждал меня отец, искренне желая хоть чем-нибудь помочь. Вот тогда я вдруг за считанные минуты решал сложнейшую задачу или пример. Но на этом дело не кончалось, а как раз начиналось, так как следовало приложить титанические усилия, чтобы заставить себя переписать готовое решение в тетрадку. Все моё существо уже рвалось на улицу.

По идее, чтобы хорошо учиться, мне надо было совсем немного – готовить уроки каждый день, но это было выше моих сил. Домашнее задание я делал очень редко, и если только его проверяли, то это была верная двойка и, значит, наказание. Следовало немедленно получить какую-нибудь положительную оценку, чтобы можно было сказать родителям, что двойка уже «исправлена» и «не считается» и наказывать меня не за что. Схватив очередную двойку, я тут же поднимал руку и шел к доске решать задачу, даже не представляя себе, как и что буду делать. Надо было обязательно получить хотя бы тройку.

Наша математичка Мариванна не терпела медлительности. Когда ученик задумывался, она не выдерживала и подсказывала. Меня это очень устраивало, так как подсказка действовала на меня даже эффективнее, чем подзатыльник. Я начинал так быстро соображать, что сам поражался себе.

Однако Сундуку с математикой приходилось очень туго и совсем не потому, что он тупой. Когда я объяснял ему какой-нибудь пример, он мог решить сам точно такой же. Но Мариванна говорила так быстро, что слова вылетали из нее, как пули из скорострельного пистолета-пулемета. Понимали ее немногие, и Сундук в число счастливчиков не попадал. Правда, был в нашей школе парень, который говорил гораздо быстрее математички, и учился он в классе, где она была классной руководительницей. Однажды во время урока математики в дверь нашего класса просунулась его голова. Из-за сильного косоглазия, усиленного мощными линзами очков, было совершенно непонятно, на кого он смотрит.

«Быр-быр... быр-быр», – выдал он двумя короткими очередями загадочную фразу.

«Я приду и сама разберусь! – ответила Мариванна, и когда парень закрыл дверь, громко спросила: – Ну, кто понял, что он сказал? – в её голосе звучала уверенность и гордость за то, что поняла только она одна. – Уж на что я быстро говорю, но меня хоть кто-то понимает, а его только я одна! Поэтому и учится так, что по всем предметам двойки или тройки, а по математике пятерки».

Так вот Сундук сразу терялся, как только математичка начинала говорить, а она каждый раз злилась от его тупого испуганного взгляда. Но если Сундук что-то и соображал, услышав подсказку от Андрюхи Тимохина, то это мало ему помогало, так как делал он всё очень медленно. Пока он морщил лоб, Мариванна начинала заводиться. Быстрая, как ящерица, она не признавала медлительности у других людей, принимая её за лень, тупость или зловерность.

Мы с Сундуком подошли к Вовке Панкратову по прозвищу Пифагор, известному в нашей школе вундеркинду, обладавшему удивительными математическими способностями в устном счете. Выяснилось это в прошлом году, когда к нам на урок математики пришла директриса с какой-то комиссией из РОНО. Мариванна, естественно, вызвала к доске Пифагора, чтобы продемонстрировать начальству свое педагогическое мастерство. В длинном арифметическом примере в одном месте надо было извлечь квадратный корень из шестизначного числа. Пифагор на секунду задумался, пошевелил губами, быстро написал ответ и стал решать дальше.

«Остановись Панкратов, – директриса испугалась, как бы члены комиссии не заподозрили, что ученик заранее знал решение примера, – сделай вычисление как положено».

Пифагор послушно разбил число на гранки и вычислил корень обычным способом в свободном углу доски – ответ получился тот же.

«А первый раз как вы получили результат?» – остановила его суровая и невероятно полная тетя из РОНО.

«В уме вычислил», – коротко ответил Пифагор.

Члены комиссии удивлённо переглянулись.

«А чему будет равен корень кубический из четырехсот тридцати двух миллионов четырехсот тридцати двух тысяч четырехсот тридцати двух?» – спросила полная тетя, которая, видимо, была самая главная в комиссии. Она многозначительно посмотрела на своих коллег, уверенная, что сейчас всех выведет на чистую воду.

«С точностью до целого числа?» – поинтересовался Пифагор.

«Хотя бы».

«Семьсот пятьдесят шесть», – ответил Пифагор без малейшей паузы.

«А с точностью до первого знака после запятой?»

Пифагор задумался на десять секунд и ответил:

«Семьсот пятьдесят шесть и две десятых. Это с округлением».

«Теперь сделайте вычисление на доске», – потребовала тётя.

Пифагор быстро написал решение, ответ был такой, как он и сказал. Члены комиссии зашумели и наперебой стали предлагать Пифагору для решения разные устные примеры. Он отвечал сразу, почти не задумываясь: делил, умножал, извлекал корни, возводил в квадрат, в куб и вообще проделывал любые операции с огромными цифрами. Прямо как в цирке.

«Как вы это делаете?» – уважительно спросила главная тётя, когда все убедились, что имеют дело не с показухой, а с феноменом.

«В уме».

«Тебя спрашивают не где, а как», – одернула Пифагора директриса.

«Очень просто, – невозмутимо ответил Пифагор, – в уме».

Так комиссия от него и не добилась вразумительного ответа. После уроков мы прижали Пифагора в школьном саду с целью выведать у него секрет математических успехов, но он так и не раскололся.

«Ты же знаешь, сколько будет дважды два?» – осаживал он заседающего Сундука.

«Все знают».

«А семью девять?»

«Тоже знаю», – набычился Сундук.

«А я знаю, сколько будет сто тридцать семь в квадрате, вот и весь секрет», – заключил Пифагор с хитрой усмешкой.

Пифагор был победителем всех школьных математических олимпиад, в том числе и районных. Однажды я совершенно случайно тоже участвовал в какой-то математической олимпиаде, но опоздал к началу минут на двадцать. В коридоре стоял Пифагор, заглядывал в щелку двери и что-то писал на клочке бумаги.

«Из класса выгнали?» – посочувствовал я.

«Нет», – ответил Пифагор, не оборачиваясь.

«Опоздал?»

«Я уже все сделал, – Пифагор выпрямился, – теперь хочу попробовать решить задание для старших классов».

Однако не всё в жизни Пифагора было так гладко. На одной математической олимпиаде, которая проходила в другом районе города в специализированной математической школе, к нему подошли местные ребята – ценители математики – и предупредили, чтобы он не очень старался, если хочет сохранить здоровье. Пифагор решил первым все задачки и в коридоре нарвался на толпу фанатов от математики.

На его счастье мы с Сундуком тоже были в этой школе на спортивной олимпиаде и участвовали в построении пирамиды. Каждая школа выставляла такую пирамиду как показатель физического и эстетического совершенства учеников, ну и наша школа тоже. Мы поднялись из спортзала наверх «поболеть» за нашего Пифагора, что нам отлично и удалось сделать, приняв на свои физиономии львиную долю причитающихся ему тумачков. Их было человек десять. Сундук налетел на противников, как паровоз, и заваливал на пол сразу пятерых. Пифагор был не в счет и просто махал руками от страха, а я сбил троих. Но все равно победа осталась за ними. Ценителям математики подвалила подмога, нас смяли, повалили и отстали только потому, что на наши физиономии синяки уже просто некуда было ставить. Меньше всех пострадал хитрый Пифагор. Он прикинулся забитым насмерть и благополучно отлежался на полу до конца потасовки.

Пифагор сидел за партой и ел бутерброд с сыром. Он был страшно жадный до еды. Подозрительно взглянув на нас, вундеркинд перестал жевать.

– Дай... – попросил я, глядя на бутерброд. У Пифагора сразу упало настроение, и он по обыкновению набычился, – Сундуку списать математику, а то его из секции борьбы выгонят, – закончил я фразу.

– Самому надо уметь решать, – с облегчением произнес Пифагор, шамкая набитым ртом.

– Драться тоже надо уметь самому. Как синяками делиться, так, пожалуйста, а помочь товарищу? – устыдил я Пифагора.

Вундеркинд почесал свою лобастую голову, глядя на которую можно было не сомневаться, что скоро ее украсит роскошная лысина, и полез в портфель. Он достал тетрадку и неохотно протянул ее Сундуку.

– Ладно, берите. Только все равно самому надо уметь решать, – упрямо добавил Пифагор.

– Тебе легко говорить с твоими способностями, а Сундук не понимает, что математичка говорит.

– Никаких таких способностей у меня нет, – вдруг заявил Пифагор.

– Рассказывай сказки. А кто лучше всех считает? Даже Мариванна так не умеет.

– Всему можно научиться, – заявил Пифагор, – и я когда-то не умел писать и считать.

– Ну и научил бы, раз это так просто. – Сундук осторожно взял в руки тетрадку вундеркинда, аккуратно обернутую в чистую кальку, – а я тебя бороться научу.

Пифагор взглянул на Сундука, которого очень уважал, и вдруг разоткровенничался:

– Например, надо извлечь кубический корень из трех миллионов семьсот девяносто шести тысяч четырехсот шестнадцати.

Сундук насупил. Такое число он не мог запомнить и повторить в слух, не то, что извлечь из него кубический корень.

– Рассуждаем так: сто в кубе это миллион, а двести в кубе – восемь миллионов. Значит, искомое число трехзначное и начинается с единицы. Если запомнить кубы чисел первого десятка, можно сразу определить и

последнюю цифру – 6. Зная кубы вычетов по модулю из первого десятка чисел, определяем вторую цифру, равную 5. Исходное число – 156.

– Какие модули?

Сундук так ничего и не понял. Ему даже анекдоты надо было рассказывать медленно и три раза. Известно, что последним смеется тот, кто хуже всех соображает.

– Потом расскажу, – воодушевился Пифагор. – Помните, мы учили квадраты чисел до двадцати, а я взял и вызубрил их до трехсот и кубы чисел до сотни. Существует много способов быстрого устного счета, и я сам придумал ещё несколько приёмов. Очень удобно быстро умножать и делить в уме.

– И весь секрет? – не поверил я.

– Ты сколько анекдотов знаешь? – усмехнулся Пифагор, – А я и трех запомнить не могу. У Сундука марок больше тысячи, и он про каждую все знает и помнит. А я люблю считать.

Мне даже не интересно стало, когда все оказалось так просто. Сундук расчувствовался и стал обещать, что подарит Пифагору какую-то очень хорошую марку.

– Не нужна мне твоя марка, – отказался Пифагор, – ничего я в них не понимаю, а быстро умножать и делить научу, если хотите. Только квадраты чисел придется выучить назубок – это основа всего.

Вундеркинд объяснил, как быстрее и надежнее запоминать цифры и держать их в голове в виде особой таблицы. Два месяца мы зубрили эти квадраты, запоминая в день по тридцать чисел. Сундук воодушевился и вызубрил триста больших чисел. Я запомнил только двести.

Пифагор проверил наши знания, нещадно гоня по таблице и, наконец, рассказал о приемах быстрого устного счета, которые действительно оказались очень простыми.

Сундуку не терпелось похвастаться своими способностями и получить хорошую отметку по математике. Мою жизнь это облегчало не на много, четверки и даже пятерки за решение задач у доски я и так получал частенько, а домашние задания никто за меня делать всё равно не станет, и двойки останутся, и придётся их исправлять. Но все равно приятно было вообразить себе, какой эффект произведет на класс и математичку неожиданное появление у меня и особенно у Сундука феноменальных математических способностей.

В день демонстрации первым вызвался Сундук. Мариванна была просто шокирована, когда увидела его поднятую руку. Я тоже был готов и заранее положил в портфель флакон с водой и купленные в аптеке три пачки слабительного.

Пока Сундук распинался у доски, я достал таблетки из кармана, высыпал их на ладонь и сделал вид, что съел всю пачку сразу, так чтобы любопытная Нинка Хрущёва это заметила. Потом обернулся к ней и попросил:

– Ну-ка, назови быстро какое-нибудь трехзначное число до двухсот.

– Сто семьдесят два, – выпалила Нинка.

– В квадрате это будет двадцать девять тысяч пятьсот восемьдесят четыре, верно?

– Верно, – подтвердила Нинка, проверив вычисление на бумаге, – как ты это делаешь?

– Природный талант, – я как бы случайно уронил пустую пачку от слабительного так, чтобы Нинка смогла поднять её и прочесть название.

Остальное она, конечно, додумает сама.

Сундук чуть было не провалился на сложном алгебраическом примере, где надо было не просто быстро считать, а знать формулы и уметь их применять.

– Ладно, Сундуков, садись, тройка, – вздохнула математичка.

– А можно мне арифметический пример решить? – попросил Сундук чуть не плача.

– Что ж, записывай, – усмехнулась Мариванна, – у нас впереди два урока, может и успеешь решить.

Ну, тут Сундук умыл всех. На математичку было приятно посмотреть. Такое глупое лицо, даже если нарочно захотеть сделать, не всегда получится. Сундук покраснелся от быстрого счета и самоуважения. Он играючи делил, умножал, извлекал корни, возводил в квадрат. Выглядело это действительно эффектно.

– Что с тобой произошло, Сундуков? – прищурилась математичка. – Как это ты так быстро считаешь?

– В уме, – Сундук покраснел от смущения.

– Ладно, садись, пять, – математичка поставила оценку и расписалась в дневнике Сундука, – все бы так считали. Ну, кто следующий?

Когда отличник получал двойку, у нас в классе говорили: «Не всё коту масленица», а когда двоечник вдруг получал пятерку: «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Сундук не закрывал дневник, чтобы быстрее просохли чернила на его первой пятерке по математике. Я наклонился под парту, набрал из бутылочки полный рот воды и поднял руку, желая решать у доски очередной пример.

– Давай, Белов, может, и ты быстро считаешь, как Сундуков? – усмехнулась математичка.

Я вышел к доске и, стараясь не расплескать полный рот воды, молча уставился на математичку. Она не выдержала и разозлилась:

– Ты зачем вышел? Что молчишь, словно воды в рот набрал?

Тут я забулькал, как водяной. Класс покотился со смеху.

– Откуда у тебя во рту вода? – рассвирепела математичка.

Я сделал вид, что отвечаю, и стал булькать ещё громче, класс задрожал от смеха.

– Прекрати сейчас же, – закричала Мариванна, – проглоти воду и отвечай.

Я послушно проглотил воду.

– Извините, у меня во рту была вода, – пояснил я, изображая из себя чайник.

– Я вижу, что вода, – затрещала математичка, – откуда и зачем она там появилась.

– Таблетку хотел запить, а проглотить не успел, – невинно ответил я.

– Какую таблетку? – удивилась математичка.

– Голова разболелась, – слукавил я.

Тут вскочила Нинка Хрущёва и выпалила:

– Мария Ивановна, он сейчас каких-то таблеток наглотался и считает теперь как арифмометр!

– Кто?

– Белов! Он при мне съел целую пачку.

Нинка вышла и отдала Мариванне обертку от пургена.

«Ах ты, предательница! – подумал я. Мои планы ограничивались лишь тем, чтобы накормить пургеном Нинку и двух ее подружек отличниц, которые,

я был в этом абсолютно уверен, позарятся на возможность быстрого устного счета и добровольно отведают слабительное. – Ничего, ты ещё сегодня наешься пургена, тоже захочешь быстро считать! Вам, отличникам, всегда мало пятёрок», – мысленно позлорадствовал я.

– Сто тридцать три в квадрате, сколько будет? – резко спросила математичка.

– Семнадцать тысяч шестьсот восемьдесят девять, – выпалил я без запинки, радуясь, что число было до двухсот.

– Понятно откуда ветер, – математичка уничтожающе посмотрела на Пифагора, – а я думала они математику полюбили. Панкратов, это ты их научил?

– Чему? – насторожился Пифагор.

– Слабительное принимать.

– Зачем?

– Чтобы считать быстрее.

– При чем тут слабительное? – возмутился Пифагор. – Вечно Нинка какую-нибудь глупость придумает.

– Не Нинка, а Нина, – строго поправила Пифагора математичка, – она староста класса.

– Все равно чепуху говорит! – разошелся Пифагор. – Хотите, правду скажу? Это я их научил считать, и они просто все выучили.

– Не смейся, Панкратов. Вы подумайте, он научил. Никто не смог научить, а он, пожалуйста. Что же они раньше не учили математику?

Переубедить учителя, да ещё математики, да ещё Мариванну дело безнадежное. Конечно, её больше привлекала версия с чудотворным действием слабительного, чем вера в наше усердие. Сундук от обиды чуть не расплакался. Нас троих потащили к директору в кабинет.

– До чего же ты мне надоел, Белов! – вздохнула директриса, увидев меня. – Ну, что опять?

– Вот, Анна Георгиевна, новую моду взяли, – затрещала математичка, – глотать таблетки перед математикой, и знаете какие? Слабительное! Это просто уму непостижимо.

– Зачем? – опешила директриса.

– Чтобы быстрее считать.

– Что, от слабительного быстрее считают?

– Полюбуйтесь сами. Сундуков, сколько будет сто сорок семь в квадрате?

– Двадцать одна тысяча шестьсот девять, – не задумываясь, без запинки ответил Сундук, и у директрисы округлились глаза.

– Ну, убедились? – затрещала математичка. – Без таблеток ему на бумаге двадцать минут считать надо.

Директриса взяла в руки толстый красный карандаш, на листке календаря проверила вычисление и строго посмотрела на нас.

– Ну, голуби, признавайтесь, какие таблетки вы принимали и кто вас этому научил?

– Я думаю, это Панкратова штучки, – встряла математичка, – он и раньше всех удивлял на уроках, у нас даже в институте никто так не умел считать. Я думала, что он талант, а он просто...

«Засранец!» – я вдруг сходу угадал слово, которое имела в виду математичка. А еще говорят, нет телепатии.

– Ничего я не глотал, – разозлился Пифагор, это всё Нинка Хрущёва выдумала.

– Быстро выворачивайте карманы, – потребовала директриса и вышла из-за стола.

Мы вывернули карманы. У Сундука была всякая ерунда, у Пифагора вообще ничего, а у меня две целые пачки пургена. Директриса и математичка переглянулись.

– Зачем тебе это? – насмешливо спросила директриса, рассматривая таблетки. – Живот болит?

– Для опытов, – ответил я, делая невинное лицо, – пурген это же фенолфталеин – индикатор, мы по химии проходили, и я хотел попробовать как укус...

– Хватит смешить людей! – перебила меня математичка. – Глотать много таблеток очень опасно. А мы потом за вас отвечаем?

– Пригласите ко мне медсестру, – попросила директриса математичку.

Школьный медицинский кабинет находился рядом с директорским, и раньше я его частенько посещал. Чтобы получить освобождение от занятий, достаточно было иметь температуру тридцать семь градусов. Сделать красное горло было проще простого, и для этого имелось десятки способов, а вот нагнать температуру, да ещё так, чтобы при повторном измерении она в точности совпала, нужна была сноровка. В школьном буфете из большого алюминиевого чайника я наливал полный флакон кипятка, прятал его в карман и, зажав в ладони, бежал в медкабинет. Там жаловался фельдшерице на болезнь горла, демонстрировал искусственное покраснение и получал градусник. Вот это и был самый важный момент. Градусник следовало брать за головку с ртутью горячими пальцами и мысленно считать до трех. Обычно за это время температура поднималась до тридцати восьми градусов. Пока я смиренно сидел с градусником под мышкой, пальцы сжимали в кармане горячий флакон с кипятком. В случае повторного измерения температуры следовало делать поправку на остывшую воду и считать до четырех.

Сестра появилась быстро. Заискивающе улыбаясь, она преданно уставилась на директрису.

– Нина Николаевна, что вам известно о побочном действии пургена? – важно, как в суде, спросила директриса.

У медсестры вдруг стало такое испуганное лицо, как будто она приняла это лекарство и оно вдруг не к месту стало действовать. Она пыталась сообразить, при чем тут может быть пурген и, на всякий случай, заявила:

– У меня все лекарства на месте, а что, с кем-нибудь плохо?

– Я вас спросила о побочном действии пургена, – строго напомнила директриса, – ну, может быть, у людей увеличивается скорость устного счета?

– Прямое действие пургена знаю, – испуганно ответила медсестра, – а вот чтобы при этом... быстро считали? Не слышала. Точно помню, что это не детское лекарство и у нас в аптечке его нет, – закончила она с радостью.

– Не во время действия, а до... или после... понимаете? – тактично нажала директриса.

– Или вместо... – вставила математичка.

– Нет, не знаю, – медсестру пугала эта непонятность и таинственность.

– Ну, хорошо, – директриса взяла в руки пурген, – что будет, если принять внутрь сразу целую пачку?

– Понятно что, – оживилась медсестра и посмотрела сначала на нас, а потом на директрису, всем своим видом показывая, что при детях об этом говорить неудобно.

– Вы меня не поняли, – поморщилась директриса, – это вредно в больших количествах?

– Конечно, что же тут хорошего. А детям вообще нельзя.

– Слышали? – директриса строго постучала карандашом по столу, – чтобы больше в рот не брали, а то сообщу родителям, и они с вами разберутся. Идите.

Мы вышли в коридор, а математичка осталась.

– Даже здесь не мог удержаться, – зашипел на меня Пифагор, когда мы поднимались по лестнице.

– Откуда мне было знать, что всё так повернется. Расчет был только на Нинку.

– Теперь директриса с математичкой наверняка попробуют слабительное, чтобы быстрее считать, а когда ничего не получится, нам это дело припомнят, – рассчитал ситуацию Пифагор.

Сундук тоже на меня рассердился.

На этом история не закончилась. После уроков я встретил около дверей парадной соседа Женьку Миронова.

– Не достал! – Женька с надеждой посмотрел на меня. – Все разобрали. А у тебя нет больше?

– Чего? – не понял я.

– Как будто не знаешь, конечно, пургена. В аптеке уже не было, сказали, что почти вся школа побывала. У них запас был на год, а раскупили все за день. Что, спрашивают, у вас в школе произошло, в столовой, что ли все, отравились? Они на всякий случай сообщили в санэпидстанцию и к нам завтра приедут с дезинфекцией.

После этого случая нас в школе стали называть не иначе как «три засранца», что на мой взгляд было совершенно несправедливо. А Пифагор даже попал в школьную стенгазету. На карикатуре был нарисован ученик, по всем признакам сидящий в туалете и читающий книгу, из-за которой торчал высокий лоб Пифагора. На книге, где должна стоять фамилия автора, было написано: ПИФАГОР – ПАНКРАТОВ и дальше название: «РОЛЬ СЛАБИТЕЛЬНОГО В УСКОРЕНИИ УСТНОГО СЧЕТА УЧАЩИХСЯ ПЯТЫХ – СЕДЬМЫХ КЛАССОВ», и ниже издательство – УЧПЕДГИЗ.